

EHRAC

Бюллетень

ЕСПЧ расширяет сферу применения Конвенции за пределы Совета Европы

Шанта Бхавнани, волонтер EHRAC

7 июля 2011 г. Большая Палата Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) опубликовала два решения о применении Европейской Конвенции о правах человека (ЕКПЧ) к деятельности Великобритании в Ираке: *Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства* (Al-Skeini & Others v United Kingdom) (№ 55721/07) GC 7.7.11 и *Аль-Джедда против Соединенного Королевства* (Al-Jedda v United Kingdom) (№ 27021/08) GC

7.7.11.

В этих прецедентных решениях Большая Палата постановила, что оба дела подпадают под юрисдикцию Великобритании в соответствии со ст. 1 (обязательство соблюдать права человека) в отношении гражданских лиц, убитых или содержавшихся под стражей во время военной операции, проводившейся Великобританией на юге Ирака. Эти дела представляют собой серьезный шаг в признании экстерри-

ториальной применимости Конвенции.

Дело *Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства* касалось гибели шестерых иракских гражданских лиц в Басре в 2003 г., когда город находился под британской военной оккупацией. Заявители утверждали о нарушении процессуального аспекта ст. 2 (право на жизнь) в результате непроведения Великобританией расследования по факту их гибели. Большая Палата отклонила довод Великобритании о не-

продолжение на с. 2

От редактора

Вопрос о степени применимости Европейской Конвенции о правах человека к действиям государств за пределами их границ давно является спорным, особенно с момента прецедентного решения по делу *Банкович и другие против Бельгии и других*, касающегося бомбардировки Белграда силами НАТО в 1999 г. Открывает этот номер Бюллетеня статья Шанты Бхавнани, в которой обсуждаются два недавно вынесенных важных решения по этому вопросу — *Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства* и *Аль-Джедда против Соединенного Королевства* — оба из которых касаются военных действий Великобритании в Ираке.

Эффективность исполнения решений Европейского Суда — еще один вопрос, не теряющий своей важности. В двух материалах этого номера рассматривается проблема исполнения решений против России и Болгарии. Лисетт Нельсон и Дмитрий Бартев, сотрудники Психиатрического правозащитного центра (MDAC, Будапешт), рассматривают последствия вынесенного в 2008 г. решения по делу *Штукатуров против России*, касавшегося прав лиц, находящихся в психиатрических учреждениях. Яна Бю-

рер Тавание и Маргарита Илиева из Болгарского Хельсинкского комитета излагают основные элементы своей кампании, направленной на решение проблемы жестокости полиции в Болгарии. Эта проблема стала предметом ряда решений страсбургского суда, в которых национальное законодательство о применении силы было признано нарушающим право на жизнь.

Также в этом номере: проф. Билл Бауринг (EHRAC) анализирует проблему права голоса для заключенных в России; Джессика Гаврон (барристер, EHRAC) рассматривает требование об исчерпании внутригосударственных средств защиты применительно к России; Наринэ Гаспарян (Legal Guide, Ереван) пишет о воздействии Европейской Конвенции на Армению; а Вафа Фати-заде предлагает новую информацию об освобождении журналиста Эйнуллы Фатуллаева в Азербайджане.

Проф. Филип Лич
директор, EHRAC

Содержание

ЕСПЧ расширяет сферу применения Конвенции за пределы Совета Европы	1
От редактора	1
Борьба с жестокостью полиции в Болгарии	3
Исчерпание внутригосударственных средств защиты в России: подход ЕСПЧ к ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса	5
Право заключенных на участие в выборах: Комитет ООН по правам человека просит Россию внести изменения в Конституцию	6
Права психически больных: исполнение решения по делу <i>Штукатуров против России</i>	7
Свобода СМИ: новости о деле <i>Фатуллаев против Азербайджана</i>	9
Какое влияние оказала ЕКПЧ на Армению?	10
Судебные дела по правам человека	12

применимости Конвенции на том основании, что гибель этих лиц имела место за пределами территории Великобритании, и в пяти из дел установила процессуальное нарушение ст. 2. В шестом деле, касавшемся Бахи Мусы, Большая Палата нарушения не установила, так как по факту его смерти было проведено публичное расследование.

В своем решении Большая Палата напомнила, что обычно от государства требуется применение Конвенции только на его собственной территории. Экстерриториально совершенные деяния подпадают под юрисдикцию государства по Конвенции только в *исключительных* обстоятельствах. Ссылаясь на предшествующую практику, Большая Палата определила три категории исключений следующим образом.

Во-первых, это случаи, когда представитель государства осуществляет «власть и контроль». Это исключение применяется: а) к дипломатическим и консульским представителям на территории иностранного государства; б) к случаям, когда, с согласия правительства какой-либо страны, Договаривающееся государство осуществляет все или некоторые функции публичной власти, которые обычно осуществляются этим правительством; в) когда представители государства помещают лицо под контроль властей этого государства и тем самым под его юрисдикцию, обычно, когда эти лица содержатся под стражей в учреждениях, контролируемых Договаривающимся государством¹.

Показательно, что Суд уточнил, что пункт в) вступает в силу не просто в результате контроля Договаривающегося государства над помещением: «*Решающее значение в подобных делах имеет осуществление физической власти и контроля над данным лицом*». Кроме того, в случаях осуществления государством такого контроля, оно обязано обеспечивать права, «*имеющие отношение к ситуации данного лица*». Это отступление от предшествующего решения ЕСПЧ в деле *Банкович и другие против Бельгии и других* (*Banković & Others v Belgium & Others*) (№ 522/07/99) GC 12.12.01, в котором Суд постановил, что права, установленные Конвенцией, не подлежат «*разделению и адаптации*». Однако Суд не указал, что решение по делу *Банкович и другие против Бельгии и других* тем самым отменено.

Второе исключение касается ситуаций, в которых, как следствие законных или незаконных военных действий, Договаривающееся государство осуществляет «*эффективный контроль над территорией*». Обязательство по обеспечению прав, гарантированных Конвенцией, вытекает из факта наличия такого контроля независимо от того, осуществляется ли он непосредственно, через собственные вооруженные силы Договаривающегося государства, или посредством подчиненной местной администрации. Большая Палата указала, что «*эффективный контроль*» является вопросом факта, определяющимся в основном на основании силы военного присутствия государства в регионе, хотя другие показатели тоже могут иметь значение — например, степень, в которой его военная, экономическая и политическая поддержка, оказываемая местной администрации, сообщает последней влияние и контроль над этим регионом.

И, наконец, последнее исключение относится к случаям «*оккупации территории одного Договаривающегося государства вооруженными силами другого*». Оккупационное государство несет ответственность по ЕКПЧ за нарушения прав человека на оккупированной территории, поскольку признать противное означало бы лишить население этой территории его прав по Конвенции, что привело бы к «*вакууму*» в защите в рамках «*правового пространства Конвенции*».

Большая Палата постановила, что после отстранения от власти баатистского режима и до вступления во власть временного правительства Ирака, Великобритания (и США) приняли на себя в Ираке осуществление некоторых из функций публичной власти, которые обыкновенно осуществляются суверенным правительством. В частности, Великобритания взяла на себя власть и ответственность за поддержание безопасности в юго-восточном Ираке. В этих исключительных обстоятельствах Большая Палата сочла, что с мая 2003 г. по июнь 2004 г. британские военнослужащие осуществляли власть и контроль над лицами, убитыми в ходе операций по поддержанию безопасности, тем самым установив юрисдикционную связь между Великобританией и погибшими.

Несмотря на прогресс, который

представляет собой это решение, оно, возможно, менее ясно, чем могло бы быть. В заключении решения Большая Палата, как представляется, смешивает установленные ею категории. Отсылка на «*осуществление Великобританией некоторых из полномочий публичной власти, которые обычно осуществляются суверенным правительством*» использует лексику первого исключения — «*власти и контроля, осуществляемого представителем государства*», пункта б), однако аспект согласия, характерный для этого исключения, отсутствует. Большая Палата также ссылается на принятую на себя Великобританией «*ответственность за поддержание безопасности в юго-восточном Ираке*», что, как представляется, подпадает под второе исключение. Большая Палата вновь ссылается на первое исключение, в этот раз на пункт в), говоря о «*власти и контроле*», которыми обладали военнотружущие по отношению к рассматриваемым лицам. В конечном счете, Большая Палата не определила, на какую именно категорию исключений она опирается. Возможно, это не является столь уж большой проблемой, с учетом того, что Большая Палата подчеркнула: «*В каждом деле вопрос о наличии исключительных обстоятельств, требующих и оправдывающих вывод Суда об осуществлении государством экстерриториальной юрисдикции, должен определяться применительно к конкретным фактам*».

В своем совпадающем мнении судья Бонелло подверг критике Большую Палату за развитие существующих критериев экстерриториальности, которые адаптированы к конкретным фактам. Он предложил функциональный тест более универсального применения: «*зависело ли от представителей государства совершение предполагаемого нарушения? Было ли во власти государства наказать виновных и выплатить компенсацию жертвам? В случае утвердительного ответа самоочевидно, что факты явно подпадают под юрисдикцию государства*».

Это решение можно приветствовать как отход от ограниченного определения юрисдикции как «*правового пространства Конвенции*», данного в деле *Банкович и другие против Бельгии и других*. Оно также расширяет применение существующих экстерриториаль-

ных исключений, тем самым расширяя территориальный охват Конвенции.

В деле *Аль-Джедда против Соединенного Королевства* Великобритания отрицала наличие юрисдикции в соответствии со ст. 1, ссылаясь на иной аргумент. Заявитель был интернирован в центре содержания под стражей в Басре с 2004 по 2007 г. по подозрению в оказании содействия террористической деятельности. Заявитель все отрицал, и ему не было предъявлено никаких формальных обвинений. Правительство Великобритании утверждало, что действия ее вооруженных сил были санкционированы Советом Безопасности ООН (СБ ООН), и поэтому ответственность за них принадлежит ООН, а не Соединенному Королевству. Далее Великобритания утверждала, что если бы эти действия могли быть приписаны ее вооруженным силам, применение ею интернирования было разрешено рядом резолюций СБ ООН и это разрешение упраздняет все иные договорные обязательства. Большая Палата не согласилась ни с одним из этих доводов и постановила, что интернирование заявителя является нарушением ст. 5(1) (право на свободу и личную неприкосновенность).

Постановив, что дело подпадает под юрисдикцию Великобритании, Большая Палата провела различие между ним и совместным решением, вынесенным ранее по делам *Бехрами и Бехрами против Франции* (*Behrami & Behrami v France*) (№ 71412/01) и *Сарамати против Франции, Германии и Норвегии* (*Saramati v France, Germany and Norway*) (№ 78166/01) GC dec. 2.5.07, в котором Суд пришел к выводу, что действия многонациональных сил в Косово находились под эффективным контролем ООН и поэтому ответственность за них

не могла быть приписана отдельным Договаривающимся государствам. Роль ООН в отношении безопасности в Косово в 1999 г. была совершенно отличной от ее роли в Ираке в 2004 г. Миссия ООН в Косово была субсидиарным органом ООН, созданным в соответствии с гл. 7 Устава ООН, и силы в Косово осуществляли власть, законно делегированную СБ ООН в соответствии с гл. 7. В противоположность этому, СБ ООН не обладал ни эффективным контролем, ни наивысшей властью в отношении действий и упущений войск в Ираке. Поэтому ООН не несла ответственности за содержание заявителя под стражей.

Отклоняя довод Великобритании о том, что соответствующие резолюции СБ ООН вступали в конфликт и обладали приоритетом по отношению к ее международным договорным обязательствам, Суд сделал три основополагающих замечания.

Во-первых, интерпретируя резолюции СБ ООН, он указал, что «должна существовать презумпция, согласно которой Совет Безопасности не намеревается возлагать на государства-участники обязательства нарушать основополагающие принципы прав человека», на том основании, что ст. 24(2) Устава ООН требует, чтобы СБ ООН при осуществлении своих функций применительно к своей основной обязанности поддержания международного мира и безопасности «действовал в соответствии с целями и принципами» ООН, одним из которых является достижение международного сотрудничества в содействии и поощрении соблюдения прав человека. Во-вторых, в случае какой-либо неясности в формулировках резолюции СБ ООН, ЕСПЧ выбирает интерпретацию, «которая наиболее

гармонично сочетается с требованиями [Европейской Конвенции] и избегает любого конфликта обязательств».

В-третьих, в свете важной роли ООН в сфере содействия и поощрения соблюдения прав человека, следует ожидать, что если бы СБ ООН намеревался предписать государствам принятие конкретных мер, которые бы вступили в конфликт с их обязательствами в рамках международных норм прав человека, он бы использовал ясные и недвусмысленные формулировки.

Суд постановил, что, хотя Резолюция СБ ООН 1546 дала Великобритании полномочия по принятию мер, направленных на поддержание безопасности и стабильности в Ираке, она не требовала конкретно, чтобы применялось интернирование в превентивных целях. Поэтому не было никакого конфликта между обязательствами Великобритании в соответствии с Уставом ООН и ее обязательствами по ст. 5(1). Поэтому Соединенным Королевством была нарушена ст. 5.

Тем самым Большая Палата дала понять, что Договаривающиеся государства не вправе ссылаться на резолюции СБ ООН с целью избежать ответственности за нарушения своих обязательств в области прав человека.

1 См. *Оджалан против Турции* (*Öcalan v Turkey*) (№ 46221/99) GC 12.5.05, *Исса и другие против Турции* (*Issa & Others v Turkey*) (№ 31821/96) 16.11.04, *Аль-Саадун и Муфдхи против Соединенного Королевства* (*Al-Saadoon & Mufdhi v United Kingdom*) (№ 61498/08) dec. 30.6.09 и *Медведев и другие против Франции* (*Medvedyev & Others v France*) (№ 3394/03) GC 29.3.10.

Борьба с жестокостью полиции в Болгарии

Яна Бюрер Тавание, директор кампаний,
Болгарский Хельсинкский комитет,
и Маргарита Илиева, адвокат, зам.
председателя БХК

Холодной ночью в апреле 24-летний Радослав Божинов возвращался с концерта пешком вдоль дороги в Софии, столице Болгарии, пытаясь поймать такси до дома.

Когда рядом с ним остановилась машина и двое мужчин потребовали у него документы, Радослав отказался их пока-

зать. Мужчины не представились и были не в форме. Позднее Радослав рассказал СМИ, что он подумал, что его пытаются похитить. На самом деле его арестовали за неповиновение полиции.

Радославу, графическому дизайнеру, работающему на болгарском национальном телевидении, выбили зубы и сломали нос. Также его сильно избили, оставив кровоподтеки на лице и теле. Полиция заявила, что он случайно упал лицом вниз. Этот

инцидент, произошедший в апреле 2011 г., лишь одно из свидетельств проблемы жестокости со стороны полиции в Болгарии.

В 2011 г. Болгарский Хельсинкский комитет (БХК), крупнейшая и наиболее влиятельная правозащитная организация в стране, начала кампанию против жестокости полиции. Кампания, которая включает в себя одновременную работу с гражданским обществом, традиционны-

продолжение на с. 4

ми и социальными СМИ, национальным правительством и международными органами, направлена на исправление недостатков действующего законодательства, которое позволяет полиции применять физическую силу и огнестрельное оружие даже в отсутствие строгой необходимости. В течение многих лет ЕСПЧ выносил решения о том, что это законодательство нарушает право на жизнь (ст. 2). Однако правительство не внесло изменений в законодательство и практику, которые были предметом столь многих негативных решений в отношении Болгарии в Страсбурге.

В феврале 2011 г. БХК организовал круглый стол, на котором представил выводы своего исследования по всем решениям ЕСПЧ, вынесенным в отношении Болгарии по делам, связанным с насилием полиции. На круглый стол были приглашены представители парламента, судебных органов, НПО и СМИ. Его целью было открыть дискуссию, которая бы привела к необходимым изменениям в законодательстве.

В январе 2011 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла резолюцию, в которой Болгария идентифицируется как государство с «серьезными структурными проблемами» и «вызывающими чрезвычайное беспокойство задержками» в исполнении решений ЕСПЧ. ПАСЕ подчеркнула, что Болгария должна «принять [выдающиеся] меры с целью избежать [дальнейших] случаев гибели и жестокого обращения с лицами, ответственность за которые несут сотрудники правоохранительных органов»¹.

Исследование БХК показало, что более 450 тыс. евро средств налогоплательщиков было потрачено Болгарией на компенсации жертвам полицейской жестокости за последние 12 лет (1998-2010 гг.). ЕСПЧ рассмотрел 27 дел в отношении Болгарии в связи с жалобами на жестокость полиции и вынес 26 решений в пользу заявителей. В двух из этих решений Суд постановил, что, хотя сам факт насилия со стороны полиции невозможно установить с определенностью, тем не менее имело место процессуальное нарушение ст. 3, поскольку власти не провели расследования по фактам такого насилия². В другом деле Суд установил нарушение на основании того, что, хотя травмы заявителя не достигали минимального уровня жестокости и поэтому не попадали под рамки ст. 3, государство не выполнило своей обязанности по проведению расследования³. Остальные решения против Болгарии продемонстрировали достаточные доказательства жестокости полиции и непроведения эффективного расследования и непривлечения виновных к ответственности.

В девяти из дел действия полиции повлекли смерть - всего было убито десять человек. В одном деле потерпевший выжил после потенциально смертельного ранения, нанесенного сотрудниками полиции. 16 дел касались бесчеловечного или унижающего обращения с 20 жертвами. В трех из этих дел полиция отказала жертвам в необходимой для спасения жизни медицинской помощи. Большинство жертв были молодыми: три из них несовершеннолетние в возрасте 14-17 лет, а еще 16 были в возрасте 19-29 лет. Несоразмерно высоким было число жертв цыганского происхождения — треть от общего числа. В 24 из 26 дел ЕСПЧ пришел к выводу о неадекватности проведенного расследования.

Никто из сотрудников полиции, связанных с этими делами, так и не был эффективно наказан. По имеющимся сведениям, никто не получил дисциплинарного взыскания, никто не был уволен, а некоторые даже получили повышение по службе.

За последние 12 лет ЕСПЧ неоднократно заявлял, что неадекватное болгарское законодательство не только приводит к несоразмерному применению силы полицией, но и является причиной плохого планирования и контроля полицейских операций и приводит к неэффективному расследованию. Прокуроры не рассматривают вопрос о необходимости применения силы, поскольку закон позволяет полиции использовать физическую силу и огнестрельное оружие даже в отсутствие абсолютной необходимости.

Ознакомившись с выводами исследования БХК, участники круглого стола согласились с тем, что необходимы срочные законодательные изменения, чтобы обеспечить использование правоохранительными органами силы и огнестрельного оружия *только* в случае абсолютной необходимости. О результатах круглого стола широко сообщалось — в болгарских печатных СМИ, телевидении, радио и онлайн-изданиях появилось более ста новостных сообщений. Социальные медиа дали более тысячи линков. БХК также открыл специальный вебсайт (policebrutality.bghelsinki.org), представляющий информацию о кампании. Сайт посетили тысячи людей. Через два дня после круглого стола, БХК распространил 8 тыс. бесплатных открыток для прямой отправки премьер-министру с обращениями о срочном внесении изменений в законодательство. Открытки распространялись в ключевых точках в трех крупнейших городах Болгарии. Граждане направили сотни открыток.

В рамках кампании БХК направил обращения во все европейские институты защиты прав человека, в том числе Комис-

сару Совета Европы по правам человека Томасу Хаммарбергу, в Комитет ПАСЕ по правовым вопросам и правам человека и в Венецианскую комиссию. В своих обращениях БХК призвал к поддержке в оказании давления на правительство с целью заставить его внести изменения в неадекватное действующее законодательство. В своем ответном письме, направленном в БХК, Томас Хаммарберг приветствовал эту инициативу. Это письмо было включено в раздел дополнительной информации в связи с двумя делами, рассмотрение которых было запланировано Комитетом министров - *Великова против Болгарии* (*Velikova v Bulgaria*) (№ 42488/98) 18.5.00 и *Начова и другие против Болгарии* (*Nachova & Others v Bulgaria*) (№№ 43577/98 и 43579/98) GC 6.7.05, в обоих из которых чрезмерное применение силы полиции привело к гибели людей.

БХК пригласил заместителя министра внутренних дел Болгарии Веселина Вучкова к участию в дебатах о необходимости реформирования законодательства, после которых состоялось еще несколько встреч с заместителем министра. В мае 2011 г. г-н Вучков организовал круглый стол в Министерстве внутренних дел (МВД), где БХК еще раз представил выводы своего исследования. Все присутствующие приветствовали презентацию БХК законодательных изменений, необходимых для введения стандарта «строгой необходимости» для применения полицией силы и огнестрельного оружия. В заключение круглого стола г-н Вучков объявил о создании рабочей группы в рамках МВД по внесению изменений в действующее законодательство и обеспечению исполнения всех решений ЕСПЧ. БХК было предложено играть ведущую роль в этой группе.

Законопроект, в котором были практически полностью отражены предложения БХК, уже подготовлен рабочей группой МВД.

1 Резолюция ПАСЕ 1787 (2011), Исполнение решений Европейского Суда по правам человека. Текст опубликован по адресу: <http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/tall/ERES1787.htm>.

2 *Асенов и другие против Болгарии* (*Assenov & Others v Bulgaria*) (№ 24760/94) 28.10.98 и *Казакова против Болгарии* (*Kazakova v Bulgaria*) (№ 55061/00) 22.6.06.

3 *Стефан Илиев против Болгарии* (*Stefan Iliev v Bulgaria*) (№ 53121/99) 10.5.07.

Исчерпание внутригосударственных средств защиты в России: подход ЕСПЧ к ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса

Джессика Гаврон, барристер, член группы привлеченных правовых экспертов EHRAC

Одним из барьеров, который должен преодолеть заявитель для подачи жалобы в ЕСПЧ, является исчерпание внутригосударственных средств защиты в соответствии с требованиями ст. 35(1) ЕКПЧ. Основанием для этого правила является необходимость дать национальным властям возможность исправить нарушения Конвенции, и исходит оно из предположения, что, в соответствии со своими обязательствами по ст. 13, государство предоставит эффективное средство защиты.

Однако это правило не абсолютно, да и не может таковым быть. Оно не подлежит автоматическому применению, и Суд признает необходимость определенной гибкости в подходе, с учетом контекста защиты прав человека. От заявителей требуется исчерпать только те внутригосударственные средства защиты, которые им доступны и эффективны. При оценке соответствия средств защиты этим критериям внимание следует уделять конкретным обстоятельствам дела, правовому и политическому контексту и личным обстоятельствам заявителя¹. Именно эта степень свободы усмотрения может вызывать неопределенность у практикующих юристов относительно подхода Суда к конкретному средству защиты, что стало очевидно в последнее время в связи со ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ.

Ст. 125 нового УПК предусматривает возможность судебного пересмотра решений следователей и прокуроров, которые могут нарушать конституционные права сторон в уголовном процессе или затруднять доступ к правосудию. Эти решения, действия или бездействие могут быть признаны незаконными или необоснованными.

Хотя ЕСПЧ постановил, что в российской правовой системе имеющиеся у суда полномочия отменять отказ в возбуждении уголовного дела и указывать на недостатки, подлежащие исправлению, представляются суще-

ственной гарантией против произвола следственных органов², Суд тем не менее в ряде чеченских дел, связанных с исчезновением и пытками, пришел к выводу, что в определенных обстоятельствах эта мера не эффективна³. Суд обосновал этот вывод отсутствием у заявителей доступа к материалам дела и тем, что их не информировали надлежащим образом о ходе следствия, в результате чего они не могли эффективно обжаловать действия или бездействие следственных органов в суде. Кроме того, в силу времени, истекшего в этих делах с момента рассматриваемых в них событий, некоторые следственные действия, которые должны были быть произведены, уже не принесли бы никакой пользы.

Несмотря на эти дела, признание Судом ст. 125 УПК существенной гарантией против произвола в принципе означает, что Суд может признать ее таковой на практике, что он и сделал в недавно рассмотренном чеченском деле *Насипова и Хамзатова против России* (*Nasipova & Khamzatova v Russia*) (№ 32382/05) dec. 2.9.10. В этом деле Суд отметил, что, хотя заявители подали как минимум восемь жалоб в различные правоохранительные органы, они не обжаловали отказ военной прокуратуры в возбуждении уголовного расследования по факту исчезновения их родственников. Кроме того, как представляется, имела место некоторая неясность относительно того, были ли заявители проинформированы о решении не проводить следствие. Хотя заявители утверждали, что не были извещены об этом, их представители, судя по всему, были проинформированы. Суд отметил, что, выдвинув аргумент о неисчерпании внутригосударственных средств защиты, правительство сослалось на прецеденты ЕСПЧ, согласно которым судебный пересмотр решения о невозбуждении уголовного дела является эффективным средством защиты. Поэтому заявители должны были доказать, что данная мера была неэффективной и недостаточной в конкретных обстоятельствах дела, или имелись

особые обстоятельства, освобождающие их от необходимости ее использовать. Суд постановил, что заявители не объяснили причины, по которым они не обжаловали в суде отказ в возбуждении уголовного дела.

Как нам представляется, в этом деле ЕСПЧ определенно отступил от предшествующей позиции. Решение придает вес следующим трем факторам: тому, что интересы заявителей представляла неправительственная организация; что заявители не обжаловали отказ в возбуждении уголовного дела, несмотря на то, что их представители были проинформированы об этом решении; и что они не объяснили, почему не обжаловали отказ.

Дело *Насипова и Хамзатова против России* — не единственное, которое было отклонено по причине неисчерпания внутригосударственных средств защиты. В делах *Медведев против России* (*Medvedev v Russia*) (№ 9487/02) 15.07.10 и *Белевицкий против России* (*Belevitskiy v Russia*) (№ 72967/01) 1.3.07, поданных в связи со ст. 3 ЕКПЧ, Суд отклонил жалобы на том основании, что заявители не обжаловали в судебном порядке отказы в проведении следствия или возбуждении уголовного дела. Обстоятельства этих дел существенно отличаются от чеченских: заявителями по ним были москвичи, пострадавшие от жестокого обращения во время нахождения под стражей по обвинениям в совершении преступлений. В обоих делах Суд отметил, что, несмотря на наличие у заявителей юридических представителей, они не объяснили, почему не обжаловали в соответствующие судебные инстанции решения следственных органов. Однако в деле *Белевицкий против России* Суд признал, что лица, содержащиеся под стражей, часто находятся в стрессовой ситуации и требовать от них использования отдельных судебных процедур с целью получения возмещения можно считать чрезмерно обременительным для них, особенно в случаях, когда у них нет юридического

продолжение на с. 6

представителя. Тем не менее, вполне возможно, что исход вышеупомянутых дел был определен их конкретными обстоятельствами, поскольку в рассмотренных в самое последнее время чеченских делах, как представляется, Суд вернулся к своей предшествующей практике, согласно которой бремя доказывания практической эффективности определенного средства защиты возлагалось на правительство государства-ответчика⁴.

На самом деле, ценность ст. 125 УПК в качестве средства защиты сомнительна. Следствие по уголовным делам часто возобновляется, а потом прекращается — с виду почти без какой-либо системы. Если следствие возобновляется в момент подачи жалобы по ст. 125, суд в большинстве случаев отклоняет жалобу за ее ненужностью, несмотря на то, что в результате утрачивается возможность признать незаконность некоторых упущений, а также на то, что следствие с высокой вероятностью вновь будет приостановлено через несколько недель. Кроме того, хотя суд

может признать незаконность действий или бездействия органов прокуратуры и отменить решение о приостановлении следствия, он не может предписать конкретных мер; поэтому отсутствует гарантия, что конкретные недостатки следствия будут исправлены. Дополнительные линии расследования остаются на усмотрение прокуратуры, и органы прокуратуры опять-таки могут бездействовать или прекратить следствие, что потребует очередного раунда жалоб по ст. 125. Аналогичным образом, как было отмечено выше в связи с чеченскими делами, часто эффективное обжалование действий или бездействия следственных органов оказывается невозможным в силу отсутствия доступа к материалам дела и к иной важной информации.

Тем не менее, следует отметить, что позиция ЕСПЧ относительно ст. 125 такова, что это положение может толковаться как «существенная гарантия» и, следовательно, как эффективное средство защиты — решающее значение имеют конкретные обстоятельства

каждого дела. С учетом этого практикующим юристам можно рекомендовать по возможности использовать жалобы по ст. 125, а если невозможно — представить убедительное объяснение причин, по которым эта мера неэффективна и неспособна предоставить достаточную перспективу успеха.

1 *Сельмуни против Франции (Selmouni v France)* (№ 25863/94) GC 28.8.99, пп. 74-77.

2 *Трубников против России (Trubnikov v Russia)* (№ 49790/99) 30.11.05.

3 См., например: *Исигова и другие против России (Isigova & Others v Russia)* (№ 6844/02) 1.12.08, *Бемаев и Бемаева против России (Betayev & Betayeva v Russia)* (№ 37315/03) 29.5.08, *Мусаева против России (Musayeva v Russia)* (№ 12703/02) 3.7.08, *Чумаев и Чумаев против России (Chitayev & Chitayev v Russia)* (№ 59334/00) 18.4.07 и *Гелаевы против России (Gelayevy v Russia)* (№ 20216/07) 15.8.10.

4 *Махарбиева и другие против России (Makharbiyeva & Others v Russia)* (№ 26595/08) 21.6.11, *Мосаевы против России (Mosayevy v Russia)* (№ 20303/07) 14.6.11, *Накаев против России (Nakayev v Russia)* (№ 29846/05) 21.6.11 и *Исаев и другие против России (Isayev & Others v Russia)* (№ 43368/04) 21.6.11.

Право заключенных на участие в выборах: Комитет ООН по правам человека просит Россию внести изменения в Конституцию

Профессор Билл Бауринг, председатель международного наблюдательного комитета EHRAC

21 марта 2011 г. Комитет ООН по правам человека (КПЧ), договорной орган в рамках договорного Пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), принял 13 голосами против двух заключение относительно коммуникации, поданной двумя заключенными, Денисом Евдокимовым и Артемом Резановым, против Российской Федерации¹.

Авторы коммуникации жаловались на то, что ст. 32(3) российской конституции 1993 г., ограничивающая право лиц, лишенных свободы голосовать, противоречит ст. 25 МПГПП, которая предусматривает, что каждый гражданин должен иметь право и возможность без необоснованных ограничений принимать участие в выборах. Они также жаловались по ст. 2(3) МПГПП на отсутствие в России эффективного сред-

ства защиты.

Подача жалобы в КПЧ стала возможной потому, что Россия связана положениями Первого факультативного протокола к МПГПП (ФП1) - тогда как, например, на Великобританию он не распространяется. СССР ратифицировал МПГПП в 1973 г. Он ратифицировал ФП1, который позволяет обращение с индивидуальной жалобой в КПЧ, по просьбе Комитета конституционного надзора СССР, предшественника Конституционного Суда России, в деле о ратификации факультативного протокола (4 апреля 1991 г.)². 5 июля 1991 г. Верховный Совет СССР принял две резолюции о присоединении к ФП1 и признании юрисдикции КПЧ³. Факультативный протокол вступил в силу в отношении Российской Федерации 1 января 1992 г., вскоре после распада СССР. Россия ратифицировала ЕКПЧ только в 1998 г.

В деле *Евдокимов и Резанов против*

России, рассматривавшемся в рамках МПГПП, российское правительство ссылалось в своих замечаниях на ряд решений страсбургского суда, но не на дело *Херст против Соединенного Королевства (Hirst v United Kingdom)* (№ 74025/01) 6.10.05, в котором ЕСПЧ провозгласил, что соблюдение принципа соразмерности требует наличия достаточной связи между лишением права на голосование и поведением и ситуацией конкретного лица. КПЧ открытым текстом процитировал решение по делу *Херст против Соединенного Королевства* и отметил, что российское законодательство содержит положение о полном лишении права голоса всякого приговоренного к сроку заключения. КПЧ отметил, что Россия не представила никаких доводов, показывающих, каким образом данные ограничения в случае этих двух заключенных соответствуют критерию обоснованности,

установленному в МПГПП.

КПЧ напомнил о своем Замечании общего порядка № 25⁴, в котором говорится, что право на участие в голосовании и право быть избранным не является абсолютным правом и на его осуществление могут налагаться ограничения при условии, что они не являются дискриминационными или необоснованными. В Замечании также утверждается, что если осуждение за совершение преступления является основанием для лишения права голоса, срок такого лишения должен быть соразмерен характеру преступления и приговору.

КПЧ постановил, что Россия нарушила ст. 25 МПГПП в отдельности и в сочетании со ст. 2(3) и что в соответствии со ст. 2(3)(а) Россия обязана: внести изменения в свое законодательство, приведя его в соответствие с Пактом; предоставить авторам жалобы эффективное средство защиты; и предотвратить аналогичные нарушения в будущем. В большинство КПЧ входил в том числе британский эксперт — профессор сэра Найджел Родли.

В совпадающем мнении Джеральд Нойман (США) и Юлия Моток (Румыния) отметили, что неевропейские государства, являющиеся участниками МПГПП, где некоторые категории осужденных преступников имеют право голоса, включают Бангладеш, Белиз, Канаду, Гану, Папуа Новую Гвинею и Тринидад и Тобаго, а также штаты Мэн и Вермонт в США. Они также указали

на недавние решения ЕСПЧ по делам *Фродль против Австрии* (*Frodl v Austria*) (№ 20201/04) 8.4.10, касающемуся заключенных, и *Алайош Киш против Венгрии* (*Alajos Kiss v Hungary*) (№ 38832/06) 20.5.10, касающемуся лиц с умственными расстройствами.

Против проголосовали члены КПЧ Майкл О'Флаэрти (Ирландия) и Кристиан Телин (Швеция). Они сочли, что в обстоятельствах данного дела (где авторы жалобы были признаны виновными в злоупотреблении служебными полномочиями и организации преступной группы, занимавшейся торговлей наркотиками, похищениями людей и рэкетом), ограничение в правах на срок лишения свободы нельзя было признать необоснованным или несоразмерным.

Хотя мнение КПЧ не является судебным решением, Россия была недвусмысленно проинформирована об обязательстве по внесению изменений в Конституцию и предоставлению авторам жалобы эффективного средства защиты. КПЧ напомнил России о том, что будучи участником ФП1, она признала полномочия Комитета решать, имело ли место нарушение, а также обязалась обеспечивать всем лицам под ее юрисдикцией права, признанные в МПГПП. КПЧ указал, что желает в течение 180 дней получить от России информацию о мерах, принятых во исполнение его мнения.

В своем русскоязычном блоге Сергей Голубок выражает мнение, что, не-

смотря на то, что мнения КПЧ не носят юридически обязывающего характера, ст. 17 Конституции России требует от нее защищать права и свободы согласно МПГПП в интерпретации последнего КПЧ⁵.

Однако репутация России в этой области оставляет желать лучшего. В своих Заключительных замечаниях относительно 6-го доклада России в соответствии с МПГПП⁶ КПЧ в очередной раз выразил свою обеспокоенность в связи с «ограничительным толкованием и продолжающимся их несоблюдением государством-участником положений *Соображений Комитета*». Такое несоблюдение «может ставить под вопрос приверженность государства-участника Факультативному протоколу».

1 *Евдокимов и Резанов против Российской Федерации* (*Yevdokimov & Rezanov v Russian Federation*). CCPR/C/101/D/1410/2005, дата коммуникации - 20.03.04.

2 *ВСНД СССР*, 1991 г., № 17, с. 502; см. также *Советская юстиция* I, 23.12.91, 17.

3 *Ведомости СССР*, 1991 г., № 29, сс. 842, 843.

4 Замечание общего порядка № 25: Право принимать участие в ведении государственных дел, голосовать и быть избранным и допускаться на общих условиях равенства к государственной службе (ст. 25), 12.7.96. CCPR/C/21/Rev.1/Add.7.

5 Сергей Голубок, 26.6.11. Заключенным разрешили голосовать. Текст опубликован по адресу: <http://zakon.ru/Blogs/OneBlog/722>.

6 CCPR/C/RUS/CO/6, 24.11.09.

Права психически больных: исполнение решения по делу *Штукатуров против России*

Лисетт Нельсон, директор по судопроизводству, Психиатрический правозащитный центр (MDAC) и д-р Дмитрий Бартенев, юридический наблюдатель MDAC по России

В марте 2008 г. ЕСПЧ вынес решение по делу *Штукатуров против России* (*Shtukaturov v Russia*) (№ 44009/05) 27.3.08, установив нарушения ст. 5, 6 и 8. Решение стало прецедентным для прав лиц с психосоциальными отклонениями (нарушениями психического здоровья) в связи с проблемами опекунов и содержания в психиатрических больницах.

В апреле 2011 г., через три года после вынесения решения, некоторые аспек-

ты его были исполнены путем внесения законодательных изменений в Гражданско-процессуальный кодекс и в Закон о психиатрической помощи. Эти изменения были вызваны не только решением ЕСПЧ, но и решением Конституционного Суда РФ, в котором рассматривались многие из тех же вопросов. Однако наиболее важный и существенный аспект решения ЕСПЧ, касающийся российского закона об опекунов, не рассматривался Конституционным Судом и до сих пор не приведен в исполнение.

Решением ЕСПЧ было установлено, что г-н Штукатуров был признан недееспособным и помещен под опеку в

результате судебного разбирательства, из которого он был намеренно исключен. Он узнал о решении суда о признании его недееспособным только после вступления этого решения в силу. Будучи признанным недееспособным, он в глазах российских судов не обладал правоспособностью; он не мог даже обжаловать решение, лишившее его прав. Позднее, несмотря на его недвусмысленные возражения, он был помещен в психиатрическую больницу без судебного рассмотрения, потому что, согласно российскому законодательству, помещение в психиатрическую больницу

продолжение на с. 8

по решению опекуна считается добровольным.

Решением Суда было признано, что обращение, которому подвергся г-н Штукатуров, нарушало ст. 6 (право на справедливое разбирательство), ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и ст. 5(1) и (4) (право на свободу и личную неприкосновенность). Впервые Суд по существу рассмотрел вопрос об опекунстве, а не только процессуальные гарантии, связанные с его назначением, и подверг критике систему опекунства в целом как меру, оказывающую несоразмерное вмешательство, без учета индивидуальных потребностей лица.

Российское законодательство не содержит альтернативы полному опекунству — если лицо было признано недееспособным в какой-либо одной области принятия решений (например, распоряжение финансами), то оно лишается права принятия или даже участия в принятии любых других решений, в том числе связанных с такими основополагающими вопросами как место проживания, медицинский уход и вступление в брак. Суд признал, что нарушения прав заявителя были вызваны не просто порочной практикой, но самим российским законодательством, регулирующим вопросы правоспособности. Таким образом, было очевидно, что для российского правительства было недостаточно принятие индивидуальных мер; оно должно было принять изменения в ряд законодательных актов, в том числе в Гражданский кодекс, Гражданско-процессуальный кодекс и Закон о психиатрической помощи. Хотя оно не представило план законодательных изменений, правительство установило некоторые общие принципы, такие как соразмерность и индивидуальный подход к вопросам опекунства. Также было дано руководство по некоторым другим важным вопросам. Задача разработки этих принципов в эффективное законодательство, очевидно, лежит на российских законодателях.

MDAC, вслед за жалобой в ЕСПЧ, подал жалобу в Конституционный Суд РФ от имени того же клиента и в отношении тех же фактов, с целью непосредственно добиться явного решения об отмене оспариваемых положений. Доводы жалобы были аналогичными, но несколько более узкими, поскольку в

них не затрагивался вопрос о соразмерности правовой недееспособности как таковой. В феврале 2009 г., почти через год после решения ЕСПЧ, российский Конституционный Суд вынес свое решение¹.

Решение Конституционного Суда возымело непосредственное действие, поскольку оно отменило ряд законодательных положений, которые уже подверглись критике в решении ЕСПЧ. Российским законодателям ничего не оставалось, как сделать шаги по введению нового законодательства, закрывающего возникшие лакуны в законе. С политической точки зрения это решение также продемонстрировало, что система опекунства не только не соответствует международному праву, но и нарушает Конституцию самой России. Наконец, решение Конституционного Суда вызвало значительный интерес в российских СМИ, что привело к большему осознанию злоупотреблений, свойственных системе признания недееспособности и уязвимости лиц, помещаемых под опеку. Решение Конституционного Суда привело к внесению в Государственную Думу двух законодательных предложений, направленных на решение двух отдельных вопросов: право личного участия в разбирательстве о признании недееспособным и процедура госпитализации лиц, находящихся под опекой.

Деятельность, направленная на исполнение решения по делу *Штукатуров против России*, представляла особые проблемы. Во-первых, вопросы психических нарушений занимают весьма низкое место в списке государственных приоритетов (и далеко не только в России). Во-вторых, движение за права лиц с психическими нарушениями все еще довольно слабо, как и общественный интерес к правам таких лиц. В результате на власти почти не оказывается давление с целью реформирования законодательства о психической недееспособности или мер, исходящих от гражданского общества в целом. В-третьих, лица, ответственные за принятие соответствующих решений и разработку политики, не обязательно знают о связанных с правами человека аспектах правоспособности и опекунства, не говоря уже о необходимых технических познаниях в этой области.

MDAC, организация, представлявшая г-на Штукатурова, и ее российский наблюдатель д-р Дмитрий Бартенев, который вел это дело в суде, непосредственно участвуют в деятельности, направленной на достижение правовых реформ, необходимых для исполнения решения ЕСПЧ. MDAC активно искал союзников и предоставлял помощь по повышению потенциала другим НПО. Д-р Бартенев проводил встречи с членами парламента и писал стратегические документы с целью привлечения внимания к проблеме в перспективе международных норм прав человека для законодателей и других ответственных лиц². MDAC также проводил круглые столы, в которых участвовал широкий круг заинтересованных лиц, в том числе государственные служащие, представители парламента, юристы, психиатры, сотрудники правозащитных НПО и активисты движения за права инвалидов. В результате этой работы была сформирована сильная коалиция российских правозащитных НПО и НПО, работающих в области прав инвалидов. Коалиция получила поддержку российского уполномоченного по правам человека и межпартийной парламентской группы по делам инвалидов.

Правозащитная деятельность возымела успех в том смысле, что Закон о внесении изменений в Гражданско-процессуальный кодекс и Закон о психиатрической помощи, вступивший в силу в апреле 2011 г., значительно расширил права лиц, находящихся под опекой, проложив тем самым дорогу дальнейшей деятельности, направленной на изменение самой сущности опекунства в России. Изменения ввели в закон право лица принимать участие в процессе о назначении опекунства, требование судебного пересмотра недобровольного назначения опекунства в психиатрических больницах, право находящегося под опекой лица давать согласие или отказ в связи с любым психиатрическим вмешательством, право отказываться от помещения в психиатрический стационар³, право суда вызывать лицо, признанное недееспособным, для участия в любом гражданском разбирательстве, и право данного лица обращаться в суд с просьбой о восстановлении правоспособности.

Эти изменения представляют собой значительный прогресс в процессуаль-

ной защите для лиц с умственными и психосоциальными нарушениями. Однако, до тех пор, пока лишение правоспособности является единственной альтернативой в делах, где люди с такими нарушениями могут получить какую-либо помощь в принятии решений, процессуальные меры не в состоянии служить гарантией против нарушений их прав. В тот же год, когда ЕСПЧ вы-

нес решение по делу *Штукатуров против России*, вступила в силу Конвенция ООН о правах инвалидов (КПИ), устанавливающая новый международный стандарт защиты прав лиц с инвалидностью. Ссылаясь на КПИ, ЕСПЧ признал наличие всеобщего и европейского консенсуса относительно необходимости защиты инвалидов от дискриминации⁴. Россия подписала КПИ, однако не

ратифицировала ее. Поэтому, несмотря на дальнейшую необходимость работы по полному исполнению решения в деле *Штукатуров против России*, работа по реформированию законодательства о дееспособности также должна включать усилия, направленные на то, чтобы добиться ратификации и полного соблюдения действующего международного законодательства.

1 Постановление Конституционного Суда РФ № 4-Р от 27.02.09.

2 MDAC также вел работу на международном уровне, представив в Комитет ООН по правам че-

ловека доклад в связи с обзором России в 2009 г. В Заключительных замечаниях Комитета содержался призыв к российскому правительству о проведении реформы законодательства об опекунов. CCPR/C/RUS/CO/6, 24.11.09.

3 Постановление Конституционного Суда РФ № 114-О-Р от 19.1.11.

4 См. *Глор против Швейцарии (Glor v Switzerland)* (№ 13444/04) 30.4.09.

Свобода СМИ: новости о деле Фатуллаев против Азербайджана

Вафа Фати-заде, интерн EHRAC

В 2007 г. Эйнулла Фатуллаев, главный редактор газет «Гунделик Азербайджан» и «Реальный Азербайджан», был признан виновным в подстрекательстве к терроризму и клевете и приговорен к 8,5 годам тюремного заключения. 22 апреля 2010 г. ЕСПЧ распорядился о его немедленном освобождении, а также предписал правительству Азербайджана выплатить ему компенсацию в размере 25 тыс. евро¹. В декабре 2009 г., когда жалоба находилась на рассмотрении в ЕСПЧ, руководство тюрьмы якобы обнаружило в вещах г-на Фатуллаева героин, и против него было возбуждено дело о хранении наркотиков. 6 июля 2010 г. г-н Фатуллаев был приговорен к двум с половиной годам лишения свободы, с отсчетом полного срока с даты вынесения приговора. Его жалоба на приговор была оставлена без удовлетворения.

В своем решении, вынесенном в 2010 г., ЕСПЧ предписал властям Азербайджана освободить Фатуллаева. Прошение правительства о передаче дела в Большую Палату было отклонено 4 октября 2010 г., и это предписание вступило в законную силу. После рассмотрения дела Верховным Судом Азербайджана, в ноябре 2010 г. представители г-на Фатуллаева написали в Комитет Министров с просьбой о передаче дела обратно в ЕСПЧ в соответс-

твии со ст. 46(4) (обязательная сила и исполнение решений)².

Несмотря на то, что в резолютивной части решения ЕСПЧ содержалось ясное предписание государству «обеспечить немедленное освобождение заявителя», азербайджанское правительство отказалось его исполнять. Вместо этого в отношении г-на Фатуллаева было возбуждено уголовное дело о хранении наркотиков. Этот шаг был осужден международным сообществом, которое расценило его как стратегию, направленную на то, чтобы избежать его освобождения. В своем докладе, опубликованном в июне 2010 г.³ Комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг указал: «Комиссар согласен с тем, что новое дело в отношении Фатуллаева неправдоподобно. Он разделяет беспокойство многих, кто считает его тюремное заключение и новые обвинения против него попыткой воспрепятствовать его журналистской деятельности». В июне 2010 г., Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию⁴ по Азербайджану, в которой говорилось: «Что касается положения СМИ и журналистов, Ассамблея осуждает аресты, запугивание, преследование и физические угрозы в отношении журналистов, о которых свидетельствует решение Суда по делу Фатуллаев против Азербайджана».

Верховный Суд Азербайджана рассмотрел решение ЕСПЧ 11 ноября 2010 г. Хотя суд отменил приговор за клевету в отношении Фатуллаева, он при этом ретроспективно продлил его срок заключения по приговору об уклонении от уплаты налогов. Решение ЕСПЧ не содержало явно выраженного мнения по вопросу уклонения от налогов, поскольку суд считал это ненужным, уже установив нарушение ст. 10 (свобода выражения мнения). Это позволило Верховному Суду прибегнуть к крайне буквальному прочтению решения и не только оставить в силе приговор за неуплату налогов, но и продлить срок заключения заявителю с первоначальных четырех месяцев до двух лет и двух месяцев, что равно времени, уже проведенному им в заключении. Принимая указанные меры, власти Азербайджана использовали набор доводов из области международного и национального права в поддержку своего отказа освободить Фатуллаева.

Комитет министров обсудил исполнение азербайджанским правительством решения ЕСПЧ и 6 декабря 2010 г. вынес решение, в котором отметил свою обеспокоенность и призвал правительство Азербайджана «исследовать все возможные средства прекращения заключения заявителя»⁵. Делегация членов Группы междуна-

продолжение на с. 10

родного партнерства по Азербайджану провела совместную миссию в Страсбурге, в ходе которой выразила свою обеспокоенность в связи с систематическим неисполнением решения властями Азербайджана. В состав участников миссии вошли такие организации, как «Статья 19», «Дом прав человека»,

«Репортеры без границ» и Всемирная газетная ассоциация.

26 мая 2011 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал указ о помиловании, которым Эйнулла Фатуллаев был освобожден наряду с многими другими заключенными. После его освобождения Джон Дальхойзен,

заместитель директора «Международной амнистии» по Европе и Средней Азии, заявил: «Помилованию и освобождению Эйнуллы Фатуллаева можно только порадоваться, однако мы продолжаем призывать власти Азербайджана отменить вынесенные ему приговоры»⁶.

1 *Фатуллаев против Азербайджана (Fatullayev v Azerbaijan)* (№ 40984/07) 22.4.10.

2 См. Письмо группы НПО заместителям министров от 29.11.10. Текст опубликован по адресу: <http://www.article19.org/data/files/pdfs/letters/joint->

[letter-to-council-of-europe-on-case-of-eynulla-fatullayev.pdf](http://www.article19.org/data/files/pdfs/letters/joint-letter-to-council-of-europe-on-case-of-eynulla-fatullayev.pdf).

3 Текст опубликован по адресу: <https://wcd.coe.int/wcd/ViewDoc.jsp?id=1642017>.

4 Резолюция 1750 (2010).

5 CM/Del/Dec(2010)1100.

6 Текст опубликован по адресу: <http://www.amnesty.org/en/news-and-updates/jailed-azerbaijani-journalist-pardoned-2011-05-26>.

Какое влияние оказала ЕКПЧ на Армению?

Наринэ Гаспарян, адвокат, президент организации Legal Guide

Армения вступила в Совет Европы в 2001 г. и ратифицировала ЕКПЧ в 2002 г.¹ Первое решение по делу против Армении ЕСПЧ вынес в январе 2007 г. (дело *Мкртчян против Армении (Mkrtychyan v Armenia)* (№ 6562/03) 11.1.07) и по состоянию на июль 2011 г. Судом были установлены нарушения в 25 делах.

Анализ этих решений показывает, что большинство из них (13) относятся к нарушениям ст. 6 (право на справедливое разбирательство), которая чаще всего нарушается не только Арменией, но и другими государствами-участниками: из 13 697 решений, вынесенных с 1959 по 2010 г., 8 019 связаны с нарушением ст. 6 (почти 59%)².

Второй крупнейшей группой нарушений стали нарушения ст. 2 Протокола 7 (право на апелляцию в уголовных делах, которого касалось семь жалоб). Все эти нарушения были установлены в связи с делами, поданными после президентских выборов 2003 г. В первом из них (*Галстян против Армении (Galstyan v Armenia)* (№ 26986/03) 15.11.07), ЕСПЧ отметил отсутствие «ясного и доступного права на обжалование» в процедуре пересмотра приговора вышестоящим судом, а также отсутствие «ясно определенной процедуры и сроков, и последовательного практического применения таковых» (п. 126). Тот же подход Суд применил к остальным шести делам, четыре³ из которых особо затрагивали право на адекватный срок и возможности для подготовки защиты, поскольку заявители были

осуждены через несколько часов после ареста без какого-либо контакта с внешним миром. Также в этих делах были установлены нарушения ст. 3.

Третья по размеру группа нарушений, связанных со ст. 11 (свобода собраний и объединения — шесть дел) опять-таки связана с событиями после выборов 2003 г., за исключением дела *Мкртчян*, в котором заявитель участвовал в демонстрации, имевшей место в 2002 г. Объединяет все эти дела то, что заявители были членами оппозиционных партий, чьи права на проведение мирных собраний были нарушены.

Стоит отметить еще одну группу дел: решения в четырех делах против Армении, касавшихся нарушений ст. 1 Протокола 1 (защита собственности). Три из них связаны с экспроприацией имущества в государственных целях. У всех заявителей⁴ было недвижимое имущество на одной и той же улице в Ереване, и Суд признал, что их право на уважение имущества было нарушено правительством.

В остальных решениях против Армении было установлено еще одно нарушение ст. 3 и по одному нарушению ст. 5, 9, 10 и ст. 3 Протокола 1. Эта постановочная классификация нарушений показывает, что они вызваны различными факторами, например, недостатками законодательства (например, дело *Мкртчян против Армении* и дела, касающиеся положений ст. 2 Протокола 7), недостатками административной практики (например, нарушения ст. 3) и отсутствием необходимых средств.

Какое влияние оказали эти решения на Армению и ее систему защиты прав

человека? На июль 2011 г. Комитет министров (КМ) рассматривал процесс исполнения 21 решения в отношении Армении⁵. Восемь из них находятся в системе «усиленного надзора», в том числе четыре, связанных с нарушениями ст. 3, ст. 6 и ст. 2 Протокола 7, и три, касающихся нарушения ст. 1 Протокола 1. Другие решения ведутся в рамках системы «стандартного надзора».

По состоянию на июль 2011 г. КМ принял резолюции о прекращении надзора по трем делам против Армении: *Арутюнян против Армении (Harutyunyan v Armenia)* (№ 36549/03) 28.6.07, *Компания «Мелтекс Лтд.» и Месроп Мовсесян против Армении (Meltex Ltd and Mesrop Movsesyan v Armenia)* (№ 32283/04) 17.6.08 и *Мкртчян*⁶ против Армении.

В деле *Мкртчян против Армении* ЕСПЧ установил нарушение права на свободу собраний в результате осуждения заявителя на основании закона, а именно ст. 180.1 Кодекса об административных правонарушениях, который был недостаточно четко сформулирован, чтобы заявитель мог предвидеть в достаточной степени последствия своих действий. КМ счел, что это решение не требует принятия индивидуальных мер. Что касается общих мер, то КМ принял во внимание, что после этого дела парламент Армении в 2004 г. принял законодательство, регулирующее порядок проведения собраний, шествий и демонстраций. Следует упомянуть, что этот закон утратил силу 14 апреля 2011 г. с принятием нового закона о свободе собраний.

Можно ли сказать, что закон от 2004

г. лучше защищает свободу собраний в Армении? Международное сообщество выразило озабоченность в связи с тем, что в нем «остались некоторые законодательные положения, вводящие ограничения на свободу собраний»⁷. В ходе Всеобщего периодического обзора ООН в адрес Армении было сделано несколько рекомендаций, призывающих ее обеспечить отсутствие произвольных ограничений на свободу собраний в законодательстве и на практике⁸. В докладе Защитника прав человека Республики Армения⁹ утверждается, что в 2009 г. ситуация с правом на проведение мирных собраний в ряде отношений была не совместима с применимыми международными стандартами. В докладе подчеркиваются недостатки закона 2004 г., а также случаи нарушений, имевших место в стране.

Что касается дела Арутюнян против Армении, то оно имело отношение к нарушению ст. 6(1) в связи с использованием в ходе судебного процесса над заявителем показаний, которые были получены под давлением от него самого и двух свидетелей. В резолюции КМ было отмечено, что в 2007 г. заявитель обратился с просьбой о пересмотре дела в кассационном порядке. В этом процессе адвокату заявителя пришлось обжаловать в Конституционном Суде конституционность положений Уголовно-процессуального кодекса относительно возобновления разбирательства. В результате в эти положения в 2008 г. были внесены изменения. Также заявитель обратился с новым ходом

тайством в суд общей юрисдикции о новом рассмотрении дела. Дело было рассмотрено повторно, однако г-н Арутюнян не был оправдан.

Получил ли г-н Арутюнян на практике возмещение за свои нарушенные права? Хотя ни он, ни его адвокат не делали никаких официальных заявлений после принятия резолюции КМ, его адвокат г-н Алумян заявил, что они готовят жалобу в ЕСПЧ с новыми требованиями, а именно в связи с тем, что повторное рассмотрение дела было проведено чисто формально, и суд общей юрисдикции Сюник Марз был не компетентен рассматривать это дело. Г-н Алумян сказал, что поднял эти вопросы перед национальными судами и направил в КМ письма об этих предполагаемых нарушениях до принятия им резолюции¹⁰.

Наконец, в деле Компания «Мелтекс Лтд.» и Месроп Мовсесян против Армении ЕСПЧ установил нарушение ст. 10 (свобода выражения мнения) в связи с тем, что Национальная комиссия по телевидению и радиовещанию (НКТР) семь раз отказала Мелтекс Лтд. в выдаче лицензии на вещание без объяснения причин. КМ доложил, что в 2010 г. были объявлены тендеры на выдачу новых лицензий, и компания приняла участие в одном из них. Что касается общих мер, то в 2010 г. были приняты поправки и дополнения в Закон о телевидении и радиовещании. Было исправлено положение о представлении НКТР мотивированных решений, которое теперь требует от нее приводить

обоснования своих решений.

Следует отметить, что в результате тендера 2010 г. Мелтекс Лтд. опять не получила лицензию. В докладе Томаса Хаммарберга, Комиссара Совета Европы по правам человека, по результатам визита в Армению в январе 2011 г., говорится: «Плюрализм в аудиовизуальных СМИ является важным знаком здоровой демократии, которая придает значение принципу свободы выражения мнения. В этой связи Комиссар с сожалением отмечает, что последний тендер на выдачу лицензий на вещание не содействовал укреплению этого принципа». Он также считал, что «методология, применявшаяся при оценке заявок, была проблематичной, и это повлияло на авторитет тендерного процесса»¹¹. Тендерный процесс также был поставлен под сомнение «Хьюман Райтс Вотч» и другими международными организациями¹². 27 июня 2011 г. 15 армянских НПО выступили с заявлением относительно резолюции КМ по данному делу, в котором выразили свое неудовлетворение и глубокую обеспокоенность.¹³ В настоящее время Мелтекс Лтд. обжалует решение НКТР в национальных судах¹⁴.

Каково было воздействие этих решений ЕСПЧ на Армению на практике? Лучше ли защищены права человека на внутрисударственном уровне? Приведенная выше оценка оставляет открытыми несколько вопросов относительно степени влияния решений ЕСПЧ на защиту прав человека на национальном уровне.

1 Европейский Суд по правам человека, 2011. *Country Fact Sheets 1959-2010*. Текст опубликован по адресу: http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/C2E5DFA6-B53C-42D2-8512-034BD3C889B0/0/FICHEPARPAYS_ENG_MAI2010.pdf.

2 Европейский Суд по правам человека, 31.12.10. *Violation by article and by country 1959-2010*. Текст опубликован по адресу: http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/2B783BFF-39C9-455C-B7C7-F821056BFF32A/0/Tableau_de_violations_19592010_ENG.pdf.

3 *Киракосян против Армении (Kirakosyan v Armenia)* (№ 31237/03) 2.12.08, *Мхитарян против Армении (Mkhitaryan v Armenia)* (№ 22390/05) 2.12.08, *Карапетыан против Армении (Karapetyan v Armenia)* (№ 22387/05) 27.10.09 и *Тадевосян против Армении (Tadevosyan v Armenia)* (№ 41698/04) 2.12.08.

4 *Минасян и Семерджян против Армении (Minasyan & Semerjyan v Armenia)* (№ 27651/05) 23.6.09, *Ераносян и другие против Армении (Yeranosyan & Others v Armenia)* (№ 13916/06)

20.7.10 и *Ованисян и Широян против Армении (Hovhannisyan & Shiroyan v Armenia)* (№ 5065/06) 20.7.10.

5 Совет Европы, версия 16.9.11. *Execution of judgments of the European Court of Human Rights*. Текст опубликован по адресу: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/execution/Default_en.asp.

6 См. Резолюции Комитета министров CM/ResDH(2011)40, CM/ResDH(2011)39 и CM/ResDH(2008)2.

7 Совет по правам человека ООН, 6.7.10. *Report of the Working Group on the Universal Periodic Review, Armenia*, п. 41. Текст опубликован по адресу: http://www.upr-info.org/IMG/pdf/A_HRC_15_9_E.pdf.

8 Там же, п. 94.26.

9 Защитник прав человека Республики Армения, 25.5.10. *Human Rights Defender Ad Hoc Report on the Right to Peaceful Assembly in the Republic of Armenia*. Текст опубликован по адресу: <http://www.ombuds.am/main/en/10/31/0/4/>.

10 Информация предоставлена г-ном Хайком Алумяном, адвокатом Миши Арутюняна, во время телефонной беседы с автором статьи 3 августа 2011 г.

11 Текст опубликован по адресу: <https://wcd.coe.int/wcd/ViewDoc.jsp?id=1784273&Site=CommDH&BackColorInternet=FEC65B&BackColorIntranet=FEC65B&BackColorLogged=FFC679>.

12 См., например: «Хьюман Райтс Вотч», 16.12.10. *Armenia: New Rebuff to Broadcaster*. Текст опубликован по адресу: <http://www.hrw.org/news/2010/12/16/armenia-new-rebuff-broadcaster>.

13 Сеть независимых журналистов «ePress.am», 28.6.11. *Armenian NGOs dispute CoE Committee of Ministers' resolution on A1+ case*. Текст опубликован по адресу: <http://www.epress.am/en/2011/06/28/armenian-ngos-dispute-coe-committee-of-ministers-resolution-on-a1-case.html>.

14 Дело ожидает рассмотрения в Административном суде Еревана. Текст опубликован по адресу: <http://www.datalex.am>.

Судебные дела по правам человека

В разделе приводятся избранные решения по значимым недавним делам в области прав человека и по делам, в которых EHRAC и его партнеры представляют заявителей.

Дела EHRAC-«Мемориал»

Эльмуратов против России
(*Elmuratov v Russia*)
(№ 66317/09), 03/03/11
(ЕСПЧ: решение по существу)
**Содержание под стражей
с целью экстрадиции**

Факты

Заявитель, гражданин Узбекистана, прибыл в Россию в феврале 2008 г. В марте 2008 г. он был обвинен в краже, совершенной в Узбекистане, а в апреле 2008 г. объявлен в розыск. Он был задержан в апреле 2009 г. в России, а в сентябре 2009 г. было вынесено решение о его экстрадиции. В отклоненном заявлении о предоставлении убежища заявитель утверждал, что ранее, во время заключения в Узбекистане, он подвергался жестокому обращению. 24 декабря 2009 г. Верховный Суд Российской Федерации отклонил жалобу заявителя на решение об экстрадиции и признал его содержание под стражей законным. Он был освобожден в апреле 2010 г., проведя под стражей максимально допустимый законом срок.

Заявитель жаловался на нарушения ст. 3 (риск жестокого обращения в случае выдачи), ст. 5 (незаконное содержание под стражей вне судебного контроля) и ст. 13 (отсутствие эффективного средства правовой защиты) в сочетании со ст. 3.

Решение

ЕСПЧ не усмотрел нарушения ст. 3, указав, что утверждения заявителя о том, что любой подозреваемый в совершении преступления в Узбекистане находится под угрозой жестокого обращения, носят слишком общий характер и не было представлено достаточных доказательств того, что заявитель ранее подвергался жестокому обращению в Узбекистане.

Суд установил нарушение ст. 5, поскольку отсутствовало какое-либо судебное решение как о первоначальном задержании заявителя, так и о продлении его содержания под стражей на необходимое время. Кроме того, отсутствовала эффективная процедура судебного пересмотра законности его содержания под стражей.

Жалоба по ст. 13 была отклонена, поскольку, хотя утверждения о предшествовавшем жестоком обращении были приведены в заявлении о предоставлении убежища, они не были выдвинуты перед национальными судами.

Суд присудил заявителю 25 тыс. евро и указал, что процесс экстрадиции должен быть приостановлен до вступления решения в силу. Запрос о передаче дела в Большую Палату находится на рассмотрении.

Комментарий

Суд продолжает критически относиться к ситуации в Узбекистане и к российскому законодательству, регулиющему содержание под стражей с целью последующей выдачи. Тем не менее он подчеркнул, что ссылка на общую проблему с соблюдением прав человека в конкретной стране сама по себе не может служить основанием для отказа в экстрадиции, и особо указал, что ответственность за подробное описание конкретного риска, которому он подвергается, лежит на заявителе. Вывод об отсутствии нарушения ст. 3 в связи с недостаточностью доказательств и в связи с тем, что конкретный вопрос не поднимался перед национальными судами в России, демонстрирует, насколько важно представить Суду подробные свидетельские показания и письменные доказательства в полном объеме. Это должно служить напоминанием всем заявителям о том, что если все аргументы не будут под-

няты перед национальными судами, это может поставить под угрозу последующую жалобу, направляемую в Страсбург.

Хамбулатова против России
(*Khambulatova v Russia*)
(№ 33488/04), 03/03/11
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь

Факты

Ранним утром 18 марта 2004 г. около десятка людей в униформе ворвались в дом заявительницы в деревне Савельевская в Чечне. Обыскав дом и найдя завернутый в фольгу бутылкообразный предмет, они надели наручники на сына заявительницы Тимура Хамбулатова и увели его с собой. В то же утро он подписал признание, написанное сотрудником УВД, в котором говорилось, что найденный объект это сделанное им взрывное устройство. Позднее, в тот же день, заявительнице сказали, что ее сын умер в камере и она может забрать его тело. Вскрытие, проведенное по распоряжению районной прокуратуры, нашло следы ударов по голове, нанесенных в течение 24 часов до смерти, однако признало их легкими телесными повреждениями и пришло к выводу, что смерть наступила в результате ранее присутствовавшего порока сердца. Возбужденное по уголовному делу следствие не смогло установить причину смерти. Заявительница утверждала, что, в нарушение ЕКПЧ, ее сын был незаконно помещен под стражу (ст. 5), подвергся жестокому обращению (ст. 3) и был убит сотрудниками государственных органов (ст. 2), и не было проведено эффективного расследования (ст. 13).

Решение

ЕСПЧ не установил нарушения материального аспекта ст. 2, пос-

кольку не смог с определенностью, устраняющей любые разумные сомнения, установить, что смерть Тимура Хамбулатова стала результатом телесных повреждений, полученных под стражей, а не результатом порока сердца. Однако Суд установил нарушение процессуального аспекта ст. 2, отметив, что следствие неоднократно приостанавливалось и задерживалось и «не привело к осязаемым результатам».

Суд установил нарушение материального аспекта ст. 3 на том основании, что при аресте сын заявительницы был вполне здоров, а после его тело оказалось покрыто многочисленными царапинами и синяками. Суд постановил, что правительство «не привело никаких правдоподобных» объяснений этим телесным повреждениям.

Суд объявил жалобу на нарушение ст. 5 неприемлемой и постановил, что нет причин для рассмотрения дела в связи с нарушением ст. 13.

Заявительнице было присуждено 35 тыс. евро в порядке возмещения нематериального ущерба.

Комментарий

Решение об отсутствии материального нарушения ст. 2 разочаровывает. Суд повторил свой неоднократно установленный принцип, согласно которому в связи с травмами и гибелью под стражей возникают «устойчивые презумпции факта», однако счел себя обязанным, «в отсутствие каких-либо доказательств обратного», опираться на результаты вскрытия, проведенного районной прокуратурой, и пришел к выводу, что власти не несут ответственность за гибель сына заявительницы. Заявительница представила доказательства, опровергающие выводы вскрытия о том, что ее сын страдал кардиомиопатией (представив, в том числе, свидетельские показания родственников и справку из поликлиники). С учетом отсутствия у нее доступа к материалам следствия и отказа в проведении независимого вскрытия, ничего больше она представить не могла. Немот-

ря на обстоятельства гибели сына заявительницы, Суд никак не оценил представленные ею доказательства и не сделал выводов из того, что в проведении независимого вскрытия ей неоднократно было отказано районной прокуратурой. Прошение о передаче дела в Большую Палату было отклонено.

Матаева и Дадаева против России

(Matayeva & Dadayeva v Russia)
(№ 49076/06), 19/04/11

Мааевы против России

(Maayevy v Russia)
(№ 7964/07), 24/05/11

Малика Алихаджиева против России

(Malika Alikhadzhieva v Russia)
(№ 37193/08), 24/05/11
(ЕСПЧ: решение по существу)

Исчезновение

Факты

Эти три чеченских дела связаны с исчезновением родственников заявителей - Хамзата Тушаева, Исы Мааева и Русланбека Алихаджиева (брата бывшего спикера чеченского парламента) - в период с марта 2003 г. по июнь 2006 г. после их задержания представителями государственных структур.

Решение

ЕСПЧ установил наличие доказательств, позволяющих считать родственников заявителей погибшими. Суд постановил, что ответственность за их предполагаемую гибель лежит на государстве, и установил нарушения материального аспекта ст. 2 (право на жизнь), а также процессуального аспекта ст. 2 в связи с непроведением эффективного уголовного расследования обстоятельств исчезновения. Кроме того, во всех трех делах Суд установил нарушения ст. 3 (бесчеловечное и унижающее достоинство обращение) в результате страданий, перенесенных заявителями вследствие исчезновения их близких, и ст. 5 (права на свободу и личную неприкосновенность) в связи с необоснованным задержанием

родственников заявителей. Помимо этого, Суд установил нарушение ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты) в сочетании со ст. 2.

Дела EHRAC-GYLA

Цинцабадзе против Грузии

(Tsintsabadze v Georgia)
(№ 35403/06), 15/02/11
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь

Факты

Сын заявительницы, Зураб Цинцабадзе, отбывал трехлетний срок тюремного заключения за преступление, совершенное в доме его бывшей жены. 30 сентября 2005 г. он был найден повешенным в складском помещении тюрьмы. Официальное вскрытие показало, что причиной смерти стало механическое удушение путем повешения.

Заявительница настойчиво отрицала, что ее сын покончил жизнь самоубийством. Осмотрев тело самостоятельно, она обнаружила на нем телесные повреждения, заставляющие предполагать, что ее сына избивали. Она утверждала, что его убили, а после этого повесили, чтобы скрыть факт убийства. Несмотря на наличие доказательств в поддержку этого утверждения, с самого начала смерть покойного рассматривалась как самоубийство и следствие по факту смерти проводилось в ограниченных масштабах. 13 июля 2006 г. Общественный защитник потребовал возбуждения уголовного дела. Однако областная прокуратура закрыла дело за отсутствием доказательств.

Решение

ЕСПЧ постановил, что в деле было допущено нарушение ст. 2 (право на жизнь), и пришел к выводу, что следствие по факту гибели сына заявительницы не было независимым, объективным и эффективным, а также включало в себя такие серьезные нарушения, как непоследовательность, упущения и

другие недостатки. Суд заключил, что Грузия не удовлетворила лежащего на ней бремени доказывания, не представив достаточных объяснений смерти Зураба Цинцабадзе, которая произошла при подозрительных обстоятельствах в тюрьме, тем самым непосредственно возложив на государство ответственность за лишение его жизни.

Заявительнице было присуждено 15 тыс. евро в порядке возмещения нематериального ущерба.

Комментарий

Данное решение затрагивает вопросы, связанные с недостатками системы расследования случаев гибели заключенных в грузинских тюрьмах. Обязательство государства по защите права на жизнь в соответствии со ст. 2 требует от него принятия необходимых мер по защите жизни лиц, находящихся в его юрисдикции, особенно лиц, находящихся под стражей и потому в уязвимом положении. В связи с этим ст. 2 также предполагает проведение эффективного и независимого официального расследования во всех случаях убийств и смертей при подозрительных обстоятельствах, независимо от того, являются ли виновные частными лицами, представителями государственных структур или их личность не установлена. Расследование должно содержать значительный элемент общественного контроля, направленного на обеспечение его подотчетности. Родные и близкие покойного должны быть вовлечены в процесс следствия в той степени, в какой это необходимо для защиты их законных интересов.

Другие дела ЕСПЧ

Енукидзе и Гиргвлиани против Грузии
(*Enukidze & Girgvliani v Georgia*)
(№ 25091/07), 26/04/11
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь

Факты

Ранним утром 28 января 2006 г. единственный сын заявителей, Сандро Гиргвлиани, был похи-

щен и избит до смерти старшими офицерами МВД. Незадолго до похищения г-н Гиргвлиани с другом посетили кафе, которое регулярно посещают государственные служащие. У г-на Гиргвлиани произошла ссора со знакомой, которая сидела с государственными служащими. После того, как г-н Гиргвлиани и его друг покинули кафе, их силой затолкали в неизвестный автомобиль. Их увезли за город и жестоко избили. Г-н Гиргвлиани скончался в результате ножевого ранения в шею, однако его друг остался в живых. Было возбуждено уголовное дело, в результате которого четверым сотрудникам МВД предъявили обвинения и впоследствии осудили за преднамеренное незаконное лишение свободы с применением насилия с угрозой для жизни и нанесение телесных повреждений, повлекших за собой смерть. В результате президентского помилования в ноябре 2008 г. их сроки заключения, составляющие соответственно восемь и семь лет, были вдвое сокращены. В сентябре 2009 г. они были условно-досрочно освобождены.

Решение

ЕСПЧ установил нарушение ст. 2 в результате непроведения грузинскими властями эффективного расследования. Суд постановил, что расследование МВД не было в достаточной степени беспристрастным, а городская прокуратура не обладала требуемой честностью, национальные власти проявили явное нежелание открыть истину относительно гибели, а вынесенные приговоры не были адекватны тяжести совершенного преступления. Однако Суд постановил, что сам факт смерти не может быть вменен грузинскому государству, поэтому не признал нарушения материального аспекта ст. 2. Суд пришел к этому выводу в силу того, что виновные действовали в личном качестве, а не в качестве государственных служащих. Суд также установил нарушение ст. 38 в свя-

зи с допущенной государством задержкой и непредоставлением Суду достаточных доказательств при рассмотрении этого дела.

Второму заявителю было присуждено 50 тыс. евро в порядке возмещения морального ущерба.

Комментарий

Указанное дело касалось известных лиц в Грузии, которые, совместно с министром внутренних дел Грузии, играли активную роль в событиях «розовой революции», повлекшей за собой отставку президента Шеварднадзе в ноябре 2003 г. Это одно из наиболее скандальных уголовных дел в новейшей истории Грузии, которое повлекло за собой жесткую критику правительства со стороны международных СМИ и парламентской оппозиции. Данное дело, наряду с другими громкими делами об убийстве, стало одной из причин тбилисских антиправительственных демонстраций 2007 г., в ходе которых десятки тысяч людей протестовали против коррумпированности президента Михаила Саакашвили и других высокопоставленных членов его правительства.

Ходорковский против России (*Khodorkovskiy v Russia*)

(№ 5829/04), 31/05/11

(ЕСПЧ: решение по существу)

Безчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание право на свободу и личную неприкосновенность

Факты

Заявитель, который в свое время являлся самым богатым человеком в России, был членом правления и главным владельцем акций крупной нефтяной компании «Юкос». Он также был вовлечен в политическую деятельность, оказывая значительную финансовую поддержку оппозиционным партиям «Яблоко» и СПС (Союз правых сил), а также неправительственному фонду «Открытая Россия».

В 2003 г. заявителю были предъяв-

лены обвинения в совершении ряда преступлений, в том числе в приобретении акций мошенническим путем, злоупотреблении доверием, присвоении имущества, уклонении от уплаты налогов, мошенничестве в особо крупных размерах и подделке официальных документов. Внесколькох ордерах о взятии под стражу не был определен срок содержания под стражей, и власти последовательно отказывали независимым наблюдателям в возможности провести инспекцию условий его содержания под стражей.

Решение

ЕСПЧ установил два нарушения ст. 3: одно – в связи с условиями содержания под стражей, а другое – в связи с условиями содержания в зале суда до и во время судебного процесса. Суд также установил нарушение ст. 5(1)(b) (лишение свободы в связи с неисполнением законного распоряжения должно соответствовать закону) в момент задержания заявителя в Новосибирске 25 октября 2003 г.

Суд установил нарушение ст. 5(3) (гарантирующей разумную длительность содержания под стражей), поскольку *«продолжающееся содержание под стражей заявителя не было обосновано убедительными причинами, перевешивающими презумпцию свободы»*. Аналогичным образом Суд установил четыре нарушения ст. 5(4) (законность судебного разбирательства вопросов содержания под стражей) в связи с процедурой, в рамках которой срок содержания заявителя под стражей был продлен в ходе слушаний 22-23 декабря 2003 г. и 20 мая 2004 г., отказом Мещанского районного суда рассмотреть ходатайство об освобождении заявителя 16 июня 2004 г. и поспешностью рассмотрения распоряжения об оставлении под стражей от 19 марта 2004 г.

Комментарий

В основном это решение представляет собой победу для заявителе-

ля, поскольку Суд вынес решение в его пользу по восьми из 15 пунктов и, что особенно важно, заявил, что в нескольких случаях Россия нарушила его права. Однако Суд отклонил несколько других требований, в том числе два дополнительных требования по ст. 3 и претензию по ст. 18 (пределы использования ограничений в отношении прав), так как его преследовали по политическим мотивам.

Киютин против России

(*Kiyutin v Russia*)

(№ 2700/10), 10/03/11

(ЕСПЧ: решение по существу)

Запрет дискриминации

Факты

Заявитель, Виктор Киютин, — гражданин Узбекистана. В 2003 году заявитель переехал в Орловскую область в России и в июле 2003 г. женился на российской гражданке. Через год у них родилась дочь. В августе 2003 г. Виктор Киютин обратился с заявлением о предоставлении вида на жительство. Его обязали пройти медицинское обследование, которое выявило, что он является ВИЧ-инфицированным. Ему было отказано в предоставлении вида на жительство со ссылкой на положение закона, запрещающее предоставление вида на жительство ВИЧ-инфицированным иностранным гражданам. Заявитель обжаловал отказ в российском суде, утверждая, что власти должны были принять во внимание наличие у него семейных связей в России. Однако суд постановил, что ему было отказано в предоставлении вида на жительство на законных основаниях.

Решение

ЕСПЧ постановил, что отказ заявителю в предоставлении вида на жительство, основанный исключительно на том, что он является ВИЧ-инфицированным, представляет собой незаконную дискриминацию, и установил в связи с этим нарушение ст. 14 (запре-

жение дискриминации) в сочетании со ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни).

В обоснование этого решения Суд указал, что, хотя состояние здоровья, в том числе наличие такого заболевания как ВИЧ, не признано явным образом в качестве основания для дискриминации согласно ст. 14, такое заболевание следует рассматривать *«либо как инвалидность, либо наряду с ней»* под формулировкой *«другой статус»* в тексте ст. 14. Суд также постановил, что лица, живущие с ВИЧ/СПИД, представляют собой уязвимую группу, которая в прошлом подверглась *«предубежденному отношению и стигматизации»*. В связи с этим Россия располагала лишь весьма узкой свободой усмотрения при выборе мер, выделяющих эту группу для различия в обращении. Наконец, Суд постановил, что Россия не привела убедительных и объективных доказательств, поддерживающих ее довод о том, что различие в обращении с заявителем может быть оправдано на основании защиты общественного здоровья.

Заявителю было присуждено 15 тыс. евро в порядке возмещения морального вреда за перенесенные им нравственные страдания и огорчения.

Комментарий

Для людей, живущих с ВИЧ/СПИД, это дело является значимым с точки зрения развития права. Во-первых, они признаются отдельной группой, находящейся под защитой ст. 14, а во-вторых, признается, что они представляют собой *«уязвимую группу»*. Последний из этих выводов означает, что любое государство-член Совета Европы, ограничивающее права человека на том основании, что человек является ВИЧ-инфицированным, будет обладать ограниченной свободой усмотрения. По этим причинам дело, скорее всего, получит резонанс, выходящий за пределы сферы иммиграционного права.

Информация о EHRAC

Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) был создан в 2003 г. при Лондонском университете Метрополитан и на данный момент является частью факультета социальных и гуманитарных наук (FSSH). Его основная цель — оказание содействия юристам, частным лицам и неправительственным организациям (НПО) в Российской Федерации и Грузии в обращении в Европейский Суд по правам человека. С этой целью мы способствуем передаче знаний и опыта, созданию партнерств и повышению потенциала местного правозащитного сообщества, а кроме того, информируем общественность о нарушениях прав человека в этих странах.

В настоящее время в производстве EHRAC находится около 290 дел, затрагивающих более чем 1 000 непосредственных жертв и их ближайших родственников. В этих делах поднимаются в том числе такие проблемы, как внесудебные казни, дискриминация по этническому признаку, исчезновения, загрязнение окружающей среды и уголовная юстиция. Более подробную информацию см. по адресу: www.londonmet.ac.uk/ehrac.

Стажировки

В офисах EHRAC в Лондоне и Москве возможно прохождение стажировки юридического и общего характера. В зависимости от подготовки и навыков стажера работа может включать в себя помощь в ведении дел, подготовку обзоров, сбор и подготовку учебных материалов, проведение исследований, фандрайзинг, написание информационных материалов, работу с прессой и основные административные обязанности. К сожалению, EHRAC не в состоянии предоставить оплачиваемую стажировку, однако дает возможность получить ценный опыт правозащитной деятельности и работы в НПО. За дополнительной информацией или с заявлениями обращайтесь к нам по электронной почте.

EHRAC благодарит авторов материалов, опубликованных в этом номере: д-р Дмитрий Бартенев, проф. Билл Бауринг, Шанта Бхавнани, Яна Бюрер Тавание, Джессика Гаврон, Наринэ Гаспарян, Маргарита Илиева, Мэттью Каф, Лисетт Нельсон, Вафа Фати-заде, Шоаиб Хан. Этот номер подготовили: Тина Девадасан, Джейн Гордон, проф. Филип Лич, Джулия Райт. Дизайн подготовлен Torske & Sterling Legal Marketing и перевод выполнен Татьяной Томаевой.

Бюллетень EHRAC выходит два раза в год. Мы приветствуем статьи, информацию и идеи. Статьи для публикации следует направлять в EHRAC по электронной почте. Материалы Бюллетеня можно перепечатывать без получения предварительного разрешения, однако во всех перепечатках следует делать ссылку на EHRAC и направлять нам копию издания.

Партнерства EHRAC

С момента своего создания в 2003 г. EHRAC работает в партнерстве с российской НПО ПЦ «Мемориал». Наши организации продолжают тесно сотрудничать в области ведения многочисленных и разнообразных судебных дел, повышения квалификации и организационного потенциала, а также информирования о механизмах работы Европейского Суда. С 2003 г. мы установили партнерские отношения с другими организациями в России, в 2006 г. начали работать в Грузии, а в 2010 г. – в Азербайджане. Мы также сотрудничаем со многими другими НПО, юристами и частными лицами из стран бывшего Советского Союза. Наше сотрудничество со всеми партнерами в основном сосредоточено на развитии навыков и квалификации юристов, работающих в наших совместных проектах, а также их независимости в работе над судебными делами. В Великобритании мы также сотрудничаем с Комитетом по правам человека Коллегии адвокатов и Комитетом по международным правам человека при Ассоциации юристов Англии и Уэльса. Контактные данные наших региональных партнеров приводятся ниже.

Контактная информация EHRAC

Офис EHRAC в Лондоне

European Human Rights Advocacy Centre
London Metropolitan University
LH 222, Ladbroke House
62-66 Highbury Grove, London, N5 2AD
United Kingdom
www.londonmet.ac.uk/ehrac

Проф. Филип Лич, директор
Тел.: +44 (0)20 7133 5111
E-mail: p.leach@londonmet.ac.uk

Тина Девадасан, менеджер проекта
Тел.: +44 (0)20 7133 5087
E-mail: ehrac@londonmet.ac.uk

Джейн Гордон, старший юрист
Тел.: +44 (0)20 7133 5258
E-mail: jane.gordon@londonmet.ac.uk

Оксана Попова, референт по
судопроизводству и проектной
деятельности
Тел.: +44 (0)20 7133 5090
E-mail: o.popova@londonmet.ac.uk

Бета Саффер, сотрудник по вопросам
развития и связей с общественностью
Тел.: +44 (0)20 7133 5156
E-mail: b.saffer@londonmet.ac.uk

Проф. Билл Бауринг, председатель
Международного наблюдательного
комитета
Тел.: +44 (0)20 7631 6022
Моб.: +44 (0)781 048 3439
E-mail: b.bowring@bbk.ac.uk

«EHRAC бюллетень»

Учредитель: Межрегиональная общественная
организация Правозащитный центр
«Мемориал»

Гл. ред.: Касаткина Т.И.

Выпуск 2(9) от 5 декабря 2011 г.

Тираж: 2 350 экз.

Распространяется бесплатно

Адрес редакции и учредителя: 127006, г. Москва,
ул. Каретный ряд, 5

Отпечатано в типографии ООО «Алькор-4»:
11024, Москва, Шоссе Энтузиастов, 9а
Номер заказа:

EHRAC бюллетень зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС
77-30927 от 18 января 2008 г.

Россия

ПЦ «Мемориал» (Москва)

127006, г. Москва

Каретный Ряд ул., 5

Тел.: +7 (495) 225 3118

Елена Бондал, координатор проекта

E-mail: coordinator@memohrc.org

«Планета надежд» (Озерск)

Надежда Кутепова, руководитель

E-mail: planeta_zato@mail.ru

www.closedcity.ru

НПО «Низам» (Грозный)

Асланбек Исаев,

исполнительный директор

E-mail: ngo_nizam@yahoo.com

www.ngo-nizam.com

Южно-Сибирский правозащитный центр (Новокузнецк)

Елена Бурмицкая, директор

E-mail: burmitskaya@gmail.com

www.sibpravo.org

Грузия

Ассоциация молодых юристов

Грузии (Тбилиси)

Натия Кацитадзе, юрист и

координатор проекта

E-mail: katsitadze@gyla.ge

www.gyla.ge

«Статья 42 Конституции» (Тбилиси)

Нази Джанезашвили,

исполнительный директор

E-mail: office@article42.ge

www.article42.ge

Азербайджан

Общество правового образования

(Баку)

Интигам Алиев, президент

E-mail: legal@azeurotel.com

www.monitoring.az

Институт прав медиа (Баку)

Рашид Гаджили, директор

E-mail: mediarightsaz@hotmail.com

www.mediarights.az

Общественного союза демократии и прав человека (Сумгаит)

Асабали Мустафаев, президент

E-mail: office@humanrights.org.az

www.humanrights.org.az